

ПОРТРЕТ ПОРОЧНОГО СУФИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ З. ХАДИ И Я. КАДРИ КАРАОСМАНОГЛУ

Альфина Тагировна Сибгатуллина
Институт востоковедения РАН, Москва

Повесть татарского писателя Закира Хади «Джиханша хазрат» (1909) и роман Якуба Кадри Караосманоглу «Нур Баба» (1914) представляются в качестве наиболее репрезентативных примеров воссоздания в художественной литературе образа суфийского наставника, которого принято называть «шейх», «муршид», «пир», «ишан». Несмотря на то, что в пору активной критики застойных явлений в духовной сфере российских мусульман в конце XIX – начале XX вв. был опубликован ряд стихотворных и прозаических сочинений об ишанах¹, за исключением двух вышеназванных, едва ли в тюркоязычных литературах можно найти такого рода масштабные художественные произведения, посвященные суфийской тематике. В отличие от традиционных панегирических сочинений, в отобранных для анализа текстах присутствует не приукрашенное описание личности и образа жизни религиозного авторитета.

Общая для этих произведений черта прослеживается непосредственно уже в их названиях. По своему семантическому значению имена главных героев, вынесенных в заглавия произведений, содержат скрытую претензию на лидерство: так, Джиханша с персидским изафетом *джихан-и ша(х)* означает «правителя вселенной». В турецком романе настоящее имя героя Нури в значении «светлый», «лучистый», также имеет персидскую форму, как, например, *нур-и джихан* – свет вселенной; Нур(-и) баба – дословно: лучезарный отец², один из персонажей романа (Зиба) называет его «Нур-и иляхи» (божественный свет). Термин, следующий вслед за именем собственным, ориентирует простого читателя на исламскую (*хазрат* – уважительное обращение к мусульманскому религиозному деятелю), а более подготовленного – и на суфийскую тематику: *баба*, ровно как *ата* (в значении отец) –

¹ Ишан – производное слово от персидского местоимения «они», активно употреблялось среди татар и башкир, поскольку именно ишанизм как среднеазиатская форма суфизма был распространен в Волго-Уральском регионе.

² Известный специалист по турецкой литературе Л.О. Алькаева, упоминая данный роман в своей монографии, название перевела как «Старец Нури» [Алькаева 1975, с. 9], мы отказались от использования такого перевода, поскольку о главном герое Я. Кадри постоянно пишет, как о молодом шейхе. Считаем, что в данном случае суфийский термин *баба* переводу не подлежит, как и Занги Баба, Хаким Ата.

одна из разновидностей тюркского названия главы суфийской общины. Таким образом, центральными героями вышеназванных произведений являются суфийские наставники: Джиханша ишан – представитель тариката накшибандийа, Нур Баба – тариката бекташийа¹. Примечательно, что оба братства имеют отношение к тюркоязычному среднеазиатскому суфизму, основанному Кул Ходжой Ахмадом Ясави (XII в.). Бекташизм, основателем которого является Хаджи Бекташ Вели (XIII в.), сыграл заметную роль в истории Османской Турции². Однако стоит отметить, что бекташийское учение и его ритуалы сильно отличаются от накшибандийского тариката: использование во время радений различных музыкальных инструментов, воспевание илахи – религиозных песен, распитие спиртного, ночные бдения и другие ритуалы, имеющие место в бекташийа, целиком отсутствуют в накшибандийа, который проповедует тихий зикр. Одной из наиболее отличительных черт бекташийа можно назвать участие женщин в ритуалах.

З. Хади и Я. Кадри в своих произведениях поднимают острую для того времени проблему. Суфийские братства начала XX в. часто обвинялись в порочности, а их руководители – в отходе от основных принципов тасаввуфа: якобы вместо ведения аскетичного образа жизни, воспитания в себе покорности воли Всевышнего, суфии в тарикатах все чаще предавались земным удовольствиям, стяжательству, пропагандируя псевдосвятость и обманывая собственных последователей-мюридов.

Роман «Нур Баба» Якуба Кадри Караосманоглу (1889–1974) считается одним из скандальных произведений в турецкой литературе, вызвавшим широкий резонанс в обществе. После появления частей романа в нескольких номерах газеты «Акшам» в 1914–1915 гг., редакция была вынуждена прекратить дальнейшую публикацию из-за многочисленных писем читателей. Лишь в 1922 г. роман впервые был издан отдельной книгой, вновь вызвав бурное обсуждение в прессе. Сам факт того, что автор описывает

¹ Бекташи – тарикат, основанный Хаджи Бекташи Вели в XIII в. Близок к шиизму (за почитание Али) и содержит элементы христианства. Был распространен в Турции, на Балканах, в основном в среде перешедших в ислам бывших христиан. Воспринимали мир посредством триад: Аллаха, Мухаммада и Али, имели ритуальную еду из вина, хлеба и сыра. В фольклоре бекташи всегда выступают в виде вольнодумцев, живущих за пределами норм традиционного исламского права. Данное учение было чуждо татарам.

² Янычары, составившие важную часть армии Османской империи, считали своим благодетелем и покровителем (пиром) Хаджи Бекташа Вели. Дервиши бекташи, в отличие от аристократического тариката мавлавийа, использовавшего персидский язык и аруз для своих ритуалов, обращались к простому народу на доступном турецком языке, используя форму народной поэзии *хедже*.

внутреннюю жизнь суфийского учреждения (текке), которая для многих казалась непостижимой тайной, стал предметом нападок на Я. Кадри. Его обвинили в разглашении тарикатской тайны, о сохранении которой мюрид обычно клянется при вступлении в братство. В предисловиях к последующим изданиям романа автор был вынужден отвечать на эти многочисленные критические замечания. Он писал, что не существует никакой тарикатской тайны, это лишь выдумки толпы, что всякий мог приходить в текке и присутствовать в ритуальных собраниях дервишей. Эти аргументы многим показались неубедительными, ибо в тарикатах существуют некоторые ритуалы, которые действительно недоступны для любого любопытствующего человека с улицы. В бекташийской практике это *айин-и джем*¹ с участием мужчин и женщин, куда не могли проникать лица, не являющиеся членами братства. Различного рода пересуды про бекташи появились после того, когда бекташийские организации с 1826 г. подверглись гонениям со стороны османских властей и вынуждены были уйти в подполье. Вполне возможно и то, что в результате преследований среди бекташи формировался дефицит духовных лидеров, и пустоту заполнили аферисты и лжесуфии. Большая часть этих сплетен не соответствовала действительности.

Закрытость тариката вызывала интерес любопытствующих, возбуждала фантазию и для турецкой публики непосредственно сама тема романа была чем-то новым и доселе неизвестным. Я. Кадри, играя на чувстве, присущем практически каждому – любопытстве, желании узнать то, что скрыто, увлекает читателя развитием любовных отношений между суфийским шейхом и замужней женщиной. Однако эта сюжетная линия служит своеобразным прикрытием, прозрачной ширмой для неприглядных картин, описывающих ритуалы тариката и условия жизни мюридов в текке. События романа происходят в закрытой социальной среде в тот период, когда сила и влияние Османской империи клонились к упадку, однако суфийские организации все еще сохраняли свой авторитет и престиж в народе. Этим можно объяснить, почему роман Я. Кадри был встречен многими верующими, особенно последователями учения бекташи, крайне негативно, и воспринят как своего рода посягательство на святое.

Детальному и колоритному описанию жизни бекташийского текке способствовал и личный опыт Я. Кадри: как выяснилось во время дискуссий в прессе, писатель в 1910-х гг. действительно был посвящен шейхом Али Баба в братство бекташи в текке Кысыклы в Стамбуле. Однако новоиспеченный мюрид с высшим образованием очень скоро разочаровался в своем поч-

¹ Церемония (айин-и джем или просто *джем*) состоит из музыки и танцев (сема), символизирующих очищение и единение с Богом.

ти безграмотном шейхе. Можно утверждать, что в определенной степени прототипом Нур Баба стал именно шейх Али Баба. Мустафа Кемаль Ататюрк после увлеченного прочтения романа пожелал встретиться с личностью, чей образ лег в основу произведения, но реальный шейх скорее разочаровал его, ибо был лишен харизмы и загадочности Нур Баба. При беседе с Ататюрком Я. Кадри признался, что Али Баба, за исключением своей падкости на женщин, был мало похож на главного героя, но стал «сырым материалом», послужившим для создания художественного образа [Karaosmanoğlu, с.16].

Мнения литературных критиков о романе разделились: одни, отметив остроту и актуальность проблемы, увидели в описанном текке образец реально существующих учреждений в бекташійском тарикате, тем самым подтвердили известные сплетни о суфиях-бекташи, якобы распутных и разгульных дервишах. В других отзывах присутствовала уверенность в том, что описанное Я. Кадри текке – не более чем плод воображения автора и никоим образом не соответствует действительности, личность Нур Баба также вымышленная, ибо такого рода человек не был способен стать настоящим шейхом бекташи. Он мог лишь случайно попасть в текке, поэтому, мол, его действия и поступки не характеризуют настоящее братство. Даже при условии, что Я. Кадри в чем-то и был прав, описанное в произведении, по их мнению, является деградированным вариантом бекташи: Нур Баба представляет лишь тот немногочисленный тип суфия, который отошел от основ учения. Следовательно, судить обо всех османских тарикатах начала XX в., основываясь на данный роман, было бы крайне ошибочным.

Авторитетные турецкие литературоведы (Х.Э. Адывар, И. Энгюнун и др.) придерживались второй точки зрения на оценку романа, учитывая предисловия самого автора к разным изданиям. Я. Кадри не раз утверждал, что целью его произведения не является критика всей организации бекташи, а лишь привлечение общественного внимания к проблеме постепенной деградации суфизма в османском обществе. Нельзя утверждать, что Нур Баба – это собирательный образ бекташійских шейхов. Он описан больше как обычный человек, представший жертвой собственных желаний: молодой, привлекательный мужчина, охочий до удовольствий и наслаждений, который не может устоять перед богатством и красивыми женщинами. А они, в свою очередь, увлеченные его харизмой, подобно Зиб-ханум, приходя в текке, жертвовали не только собой, но и всем своим имуществом. В целом мнение литературоведов сводится к тому, что автор романа не имел цели подвергнуть критике основы и суть суфизма, но стремился показать уязвимость суфийских организаций.

Автор описывает процесс формирования личности Нур Баба. Безродным и бездомным мальчиком он попал в текке благодаря шейху Ариф Баба,

который, несмотря на то, что был женат 4–5 раз, собственных детей не имел. Будучи уже в зрелом возрасте, Ариф Баба не мог более выносить отсутствия радости отцовства и решил отправиться в путешествие. Оставив свою последнюю жену, которая также не смогла подарить ему ребенка, он поехал сначала в Азию, затем в Иран и Туран. В Анатолии, где он находился в течение двух лет, Ариф Баба и приютил Нури. Найдя в нем свое утешение, уже немолодой шейх старался удовлетворять любые желания хрупкого и болезненного мальчика. Избалованный вниманием маленький Нури вырос в капризного и упрямого юношу, его взбалмошность и своенравие нарушили привычный ход жизни текке: во время ритуалов «майдан» и «мухаббат» он сидел рядом с шейхом, беспокоя окружающих, из-за его озорства некоторые были вынуждены даже покинуть братство. Ни назидания Ариф Баба, ни оплеухи и угрозы со стороны мюридов не могли усмирить Нури, который, потакая своим желаниям, не останавливался ни перед чем. Болезнь шейха, уже лежавшего на смертном одре, лишь развязала руки двадцатилетнему Нури: он соблазнил его жену Джалилю Баджы, а после смерти Ариф Баба женился на ней с целью получения имущества и поста шейха. Окружение недоумевало: как приближающаяся к 40 годам женщина, известная в текке своей богобоязненностью и безупречным моральным обликом, могла пасть жертвой этого ветреного и сумасбродного молодого человека, выросшего в ее собственном доме. И хотя сначала старания Джалили-ханум сохранить прежние порядки в текке имели успех, с появлением в нем молодой Зибы-ханум делать это стало в разы сложнее. Юный шейх, увлеченный новым объектом желания, стал собирать вокруг себя молодых женщин и мужчин: текке окончательно погрязло в грехе. Дервиши, несогласные с шейхом, постепенно покидали текке, им оставалось лишь наблюдать со стороны, как Нур Баба эксплуатировал вековые традиции бекташи ради удовлетворения собственного эго.

Другая колоритная героиня романа – Нияр-ханум – представлена автором как полная противоположность своей тети по отцовской линии Зибы. Нияр – скромная и разумная женщина, которая, в отличие от обуреваемой страстями Зибы, умеет скрывать свои чувства. Однако она пала жертвой родственницы, которая умышленно привела ее в ловушку шейха. Сила характера и воля Нияр не помогли ей устоять перед красотой, чувственностью, кажущейся степенностью и зрелостью Нур Баба. Автор намеренно проявляет во внешности героя его сладострастную натуру: борода, чувственные губы, пронизательные глаза выдают опыт шейха в любовных играх, где женщины становятся жертвами не истинных чувств и страсти, а хитрости их владельца.

Нур Баба, ловко прикрывающий свои истинные цели благими словами, сравним с пауком, плетущим сети для очередной добычи. Само текке пред-

стает в образе паутины, в которую попадают и глупые мошки, и прекрасные бабочки, привлеченные блеском сетей. Растратив имущество Зибы, выжав все соки из этой красивой, молодой и энергичной женщины, Нур Баба обратил взор на ее богатую племянницу Нигяр. Благодаря знанию женской психологии, навыкам игры на чувствах своих жертв, он заполучил и эту «бабочку». Ради него Нигяр оставила мужа и двоих детей, на ее деньги было отремонтировано текке, а тамошние мухиббаны (адепты) прожили несколько беззаботных лет. Спустя 6 лет Нур Баба «устал» и от Нигяр, увлекшись молодой красавицей Сюхейлой. Когда шейх «с возрастом стал чувствовать ненависть к пожилым женщинам» и окончательно остыл к Нигяр, посчитав, что «такую уже никак не приведешь в пригодность», ей всего-то было 37-ой год. Но за те пять-шесть лет, которые она провела в текке, сутками продолжающиеся шумные обряды и непрерывные беседы, табачный дым, благовония и выпивки, изнуряющая любовь Нур Баба состарили бедную женщину раньше времени, она стала неузнаваемой, а голос охрип. «Кто ж вытерпит столько алкоголя, табака, декламации и бессонницы?», – вопрошал автор [Karaosmanoğlu, с. 150].

Типы, подобные Нигяр, попадали в ловушку паука-Нур Баба и по собственной вине: им хотелось верить в то, что воображаемое ими и есть реальность. Тем не менее, благодаря шейху Нури, они познали новые стороны жизни, поэтому образ шейха в романе нельзя оценивать исключительно как негативный. Нигяр потеряла семью и имущество, вниманием Нур Баба уже наслаждается очередная, более молодая женщина, но даже после, казалось бы, крушения всех иллюзий, она отказывается возвращаться в свой бывший дом с прислугой, ибо там она пребывала в атмосфере бездушной, скучной, размеренной жизни и едва ли играла более важную роль, чем предмет декора. А в текке ей позволили стать членом общины, она открыла в себе женщину и пусть в течение короткого времени побыла счастливой. В финале Нигяр кажется проигравшей борьбу за любовь к Нур Баба: она забыта, но все же ее отказ вернуться к прошлой жизни супруги посла и к повзрослевшим детям, свидетельствует о том, что она не так уж и несчастна. Нур Баба, даже сам не подозревая этого, выполнил одну из основных обязанностей суфийского духовного наставника: стал причиной познания Нигяр истинной Любви к Всевышнему. Решение шейха жениться на молодой избраннице стало для Нигяр своего рода прозрением, она поняла, что та любовь, которая живет в ее сердце, теперь может существовать и без объекта, которым была рождена, так как поднялась на новый, более высокий уровень. Едва ли это могли понять Маджит, юноша, который тщетно пытался вызволить Нигяр из текке, или сам Нур Баба, ослепленный земным «огнем любви».

На примере Нур Баба изображена ситуация, когда всего лишь одна личность – порочная, далекая от суфийских принципов «совершенного человека», желающая занять пост шейха в корыстных целях может уничтожить столь чистое и благородное место, как суфийское текке, нарушив вековые традиции и поправ память многих поколений. Несомненно, образ главного героя турецкого автора являет собой индивидуальный характер, своего рода уникальную личность, обладающую присущими только ей особенностями характера: Нур Баба предстает как человек, в котором есть личностная «изюминка», загадка и харизма.

Татарский писатель Закир Хади в своей повести «Джиханша хазрат», наоборот, стремился создать цельный **социальный тип**, который вобрал в себя наиболее яркие и своеобразные черты отдельной части мусульманского духовенства Поволжья и Урала. Работая над образом Джиханши, З. Хади проанализировал основные этапы и условия формирования личности в атмосфере татарского старометодного медресе и попытался найти в существующих закономерностях развития татарского общества того времени причины, почему духовные лица не всегда соответствуют приписываемому им моральному облику. Образ Джиханши ишана – плод своей эпохи и среды, писанный практически «с натуры». Такого рода духовный деятель был чуть ли не в каждой крупной деревне, поэтому, на наш взгляд, справедливо утверждать, что главный герой является собирательным образом, в создании которого автор вряд ли прибегал к приемам художественного преувеличения и гротеска. В произведении в целом обобщение занимает важное место: оно проявляется как в отсутствии портретной характеристики, особых индивидуальных черт главного героя, так и в том, что автор не дает конкретных данных о местности и времени происходящих событий. Так, главный герой родился в деревне Ш. уезда Б. Уфимской губернии; «ишанствует» в деревне, которую автор называет с сарказмом «Шурале»¹. Детство героя прошло в большой деревне, где проживали татары, башкиры и типтяры, т. е. основные представители Волго-Уральского региона, исповедующие ислам. Описывая материальное положение сельчан, З. Хади сообщает о том, что по внешнему виду домов можно понять, что еще несколько лет тому назад население здесь жило «крепко», но теперь обнищало. По ходу рассказа несложно догадаться, что причиной этого является не засуха или неурожай, а засилье в окрестностях «паразитов», которые, опутывая невежественный народ так называемым духовным учением, отбирают его последний кусок хлеба: «Несмотря на наличие больших медресе и большого количества мулл, мударрисов, ишан-хазратов, население деревни страшно безграмот-

¹ Шурале – мифическое существо в татарском фольклоре, злой дух леса.

но: умеющих писать раз-два обчелся, остальные вместо подписи умеют рисовать только гусиные и заячьи лапки, и считают на пальцах...», – пишет З. Хади [З. Хади, с. 218].

Автор прослеживает процесс формирования данного социального образа, используя такой прием типизации, как биография: весь жизненный путь Джиханши проходит перед глазами читателя. С малых лет ему ставили в пример муллу Гибадуллу, который имел наивысший статус в деревне, и мальчик неуклонно, шаг за шагом шел к цели – стать муллой по заранее вычерченному для себя плану; достигнув вершины, он превратился в типичного сельского ишана, завладел огромной властью над прихожанами и стал вкушать все блага жизни. Писатель не дает какие-либо «точечные» детали биографии героя, потому что для него они просто излишни. Ему важны процесс формирования будущего ишана, внутренняя «кухня» его созревания, механизм взаимодействия внешних и внутренних элементов развития этого типа. Подчеркивая роль коллектива в виде татарского села и семьи в воспитании, автор высвечивает проблему отсутствия идеала для мусульманской деревенской молодежи в условиях Российской империи: «Если бы Джиханша видел полководца в красивой униформе с блестящими эполетами на плечах и саблей на боку, подчинившего себе многотысячное войско, он бы захотел стать командиром, изучил бы все возможности для этого и из всех сил стремился бы к цели» [З. Хади, с. 219]. Но единственный человек, кого он видит выделяющимся из серой массы в своем окружении, – это мулла. Эгоистичный и завистливый по природе Джиханша, сын крестьянина средней руки Давлетши, внимательно следит за каждым действием имама Гибадуллы во время «визита» в их дом. Мальчика не интересуют ни его религиозные знания, ни нравственный облик, а привлекают зеленый чапан, белая чалма хазрата. Он обращает внимание на то, что мулле все приветствуют стоя, наблюдает за тем, как он ест сидя на подушке, собирает подаяния и отъезжает на повозке к следующему дому, чтобы повторить то же самое. Единственный призыв, который слышал мальчик в детстве, как со стороны родителей, так и жены муллы (абыстай), научившей его азбуке: «Учись, станешь муллой!». Да и сам мальчик смекалистый, сразу понял, что, став муллой, можно подчинить себе остальных. З. Хади демонстрирует все ступени достижения героем статуса муллы-ишана: 1) в 12 лет мальчик начал ходить к Фатима-абыстай, освоил азбуку, читал по слогам, выучил несколько сур из Корана, книжки «Бадавам» и «Кисекбаш»; 2) Восемь-девять лет провел в медресе Чорнаш, где очень старался походить на своего учителя Тахирджана. Тот завоевал свой авторитет благодаря наглости, хитрости и угодничеству, и теперь «имел виды» любыми путями заполучить место своего же наставника в медресе. По окончании обучения у Джиханши полностью сформиро-

вался характер, его стали уважительно величать «кади» (судья), «хальфа» (учитель). Родители были чрезмерно рады видеть сына муллой (отец уже грезил ходить вместе с сыном по гостям), тогда как Гибадулла хазрат (бывший когда-то кумиром Джиханши) не на шутку испугался за свое место, разглядев в нем молодого конкурента. Но у последнего были другие планы; 3) С целью углубить свои знания он уехал учиться в Бухару, которая в то время считалась для поволжских мусульман высшей инстанцией в системе получения образования; 4) По приезду из Средней Азии, беспрепятственно получил желанный указ, т. е. необходимый документ для того, чтобы стать имамом и мударрисом. В одной из деревень возглавил медресе и начал обучать шакирдов; 5) С каждым годом состояние его улучшалось: количество учащихся заметно увеличилось, он стал и мударрисом, и ишаном¹, при том самовольно: «стал свидетельствовать себя народу ишаном», как говорит автор, или «поднял флаг ишанства», собрал вокруг себя много адептов (мюридов), чьи «души, дети и собственность стали принадлежать ему». 6) Появление в окрестностях «его владений» «конкурентов» или более умных, чем он, людей (как, например, Шакир махдум) его не пугало, пока авторитет был непоколебим. 7) Бесславный конец старого хазрата: обнищание села и недовольство населения; унижение со стороны собственных детей, появление представителя нового (джадидистского) поколения сельских учителей в лице Хасана и т. д. После смерти Джиханши, как безобразный памятник ему, в деревне остались лишь убогие развалины зданий медресе.

Причиной порочности героев в обоих произведениях в определенной степени обусловлены изъянами в их воспитании: если Нур Баба предстает как результат «чрезмерного балования» своих приемных родителей, то Джиханша хазрат сформировался в условиях типичной татарской среднезажиточной семьи и типичного медресе. В данном случае З. Хади делает более важный и социально значимый вывод: общество само порождает таких типов, как Джиханша. Способы достижения целей героев также немного различаются: Нур Баба выбирает более легкий путь – через постель, тогда как Джиханша терпеливо проходит все этапы длительного пути становления муллой. Но при этом обоих объединяет целенаправленность, мощное стремление к власти и удовлетворению собственных влечений, которые достигаются посредством обмана, хитрости, умения скрывать свои корыстные цели под благими словами и намерениями. Тем самым авторы поднимают проблему профанации благочестия и святости, проблему неведения обще-

¹ Это разные инстанции в мусульманской традиции, деятельность имама или мударриса связана с богослужением в мечети и медресе, а ишан является руководителем суфийской общины. В Волго-Уральском регионе, в отличие от других регионов мусульманского мира, наблюдалось сращение этих двух званий в одном лице.

ства, которое не понимает, как религиозный деятель заставляет общину служить себе. В финале повести Закира Хади персонаж по имени Хасан мулла в разговоре с населением указывает именно на это.

Жизненный опыт и знание материала писателей налицо. Опираясь на собственные наблюдения, авторы констатируют изъяды и духовный кризис общества, оба произведения хоть и схематично начерчивают историю крушения старых порядков и традиций. Авторы критикуют не сам суфизм, а его деградирующую, вырождающуюся систему или отдельную организацию. Оба произведения имеют некую документальность, которая выражается в описании ритуалов в тарикате, оба они претендуют в определенной мере на объективность подачи жизненного материала в художественной форме. Специалисты подтверждают точность описанных в романе Я. Кадри бекташских ритуалов в текке, однако эти ритуалы организовывались Нур Баба в корыстных целях: собрать вокруг себя наибольшее число последователей, которые обеспечивали бы материальную стабильность заведения, этим самым его текке больше смахивало на секту.

В романе Я. Кадри тема любви увлекает читателя, автор делает особый акцент на сексуальности героя: Нур Баба – как комок сексуальности, Дон-Жуан, не мыслит жизни без увлечения. Не зря первая из критиков романа, известная писательница Халида Адывар его сравнивала с русским Распутиным. При этом сексуальность и страсть героя никак не может выдвигаться как один из признаков османского суфизма, Нур Баба является нетипичным представителем тех бекташи, которые направлены по ложному пути. В татарской повести тема любви почти не затрагивается. В старости лет Джиханша хочет жениться на молодой и образованной девушке Фахрелбанат, признаваясь, что молодая жена ему нужна для «омоложения». Для достижения своей цели ишан выдумывает историю о «божественности» собственного сна, якобы данный брак написан на небесах, но Фахрелбанат – не та девушка, которая верит таким сказкам. Однако данный эпизод не занимает центрального положения в повести, и нужно признать, что с позиции композиции и психологизма роман турецкого автора, гораздо богаче. Художественный образ Джиханши совпадает с привычным типом ишана в татарском обществе начала XX в. Типичность этого образа обнаруживает серьезный разрыв, существующий между теоретическими положениями суфизма и прикладными методами в сфере деятельности суфийских лидеров. Именно поведение таких ишанов стало причиной дистанцирования многих ученых и интеллектуалов от суфизма. Люди, пораженные одним пороком – гордыней, сладострастием, унынием, стяжательством, безволием – столь похожи между собой, вся их изначальная самобытность, уникальность стерта, и они неотличимы друг от друга. В отличие от турецкого произведения

в финале татарской повести показано некоторое отторжение населением такого псевдолидера, как Джиханша ишан (в османском же обществе не было повсеместного отрицания роли суфийского лидера, ибо типы Нур Баба встречались очень редко). Ожидания татарского населения от такого суфийского авторитета в начале XX в. постепенно сходили на нет, а в османском обществе тасаввуф и суфийское воспитание оставались популярными до преобразований Ататюрка.

В сюжет турецкого романа «незаметно» проникает тема использования наркотиков в суфийских заведениях, которую зачастую критики обходят молчанием. Забытая шейхом Нигяр со старым сторожем остается в холодном, неотапливаемом здании текке, даже зимой, когда все адепты переправляются в город. В финале романа описывается, как она пристрастилась к гашишу и привыкла в своей комнатке ждать прихода сторожа с очередной порцией зелья. Использование алкоголя и наркотиков в некоторых бекташских текке общеизвестно. В истории даже были случаи, когда некоторые такие заведения становились притоном дервишей-наркоманов, полностью отрекшихся от земной жизни и отдалившихся от общества, а некоторые бекташские шейхи или баба, которых в народе называли «пародиями на бекташи», сами наставляли мюридов курить гашиш для быстрого достижения экзальтации. Также в бекташском фольклоре вино и наркотик занимают определенное место [Köknel, 2001]. З. Хади хотя в данной повести и не поднимает проблему наркотиков, для него, как в целом для всех выходцев из старых медресе, она совершенно была не секретом: поволжские шакирды традиционно перенимали привычку «ложить под язык опиум» в среднеазиатских медресе. Тема использования наркотических средств среди суфиев и других лиц мусульманского духовенства в татарской литературе поднималась в таких произведениях, как «Черноликие» М. Гафури, «Женитьба Салих бабая» Ф. Карими и др.

Авторы с укором выделяют такие характерные черты религиозного авторитета своего времени, как узость интересов и односторонность духовной деятельности, отсутствие желания самосовершенствоваться: достигнув определенного уровня, Джиханша ишан начинает собирать плоды за свои утруждения в сфере достижения этой цели; нежелание заниматься проблемами населения, вместо поиска ответов на какие-либо «каверзные» вопросы, он обрушивается руганью в адрес задавшего вопрос. Джиганшу и Нур Баба сближает духовная нищета, отсутствие у обоих каких-либо собственных изысканий в своей области, увлечение чьими-либо мыслями, т. е. они оба идут по растоптанной дорожке, что называется *таклид*, и не способны к каким-либо творческим актам.

Здесь также необходимо указать на некоторое различие между статусом турецкого шейха и татарского ишана. В романе Я. Кадри текке является тем

местом, где встречаются и общаются люди определенного круга, т. е. адепты отдельного братства, зачастую закрытого для посторонних. В повести же З. Хади духовный пастырь имеет власть над целой деревней или даже рядом окрестных сел, что связано с отсутствием в Волго-Уральском регионе специальных заведений или сооружений (текке, завийа, даргях) для воспитания мюридов и отправления суфийских культов. Таким образом, у поволжского ишана было ощутимо больше возможностей увеличить свое экономическое благосостояние, используя авторитет среди населения. В Турции текке напрямую не связаны с мечетями и медресе, поэтому они охватывают гораздо меньшее пространство, и текке Нур Баба в романе носит значение закрытой организации, поэтому «экономическое составляющее», т. е. заинтересованность шейха в материальном благополучии, турецким автором не выносятся на первый план, тогда как Закир Хади делает особый акцент на обогащении Джиханши за счет периодических «даров» со стороны населения. Нури почти не выходил за пределы текке, вырос среди мухиббан, и этот узкий мирок, ставший его миром, он пытался расширять за счет вновь прибывающих людей, особенно молодых женщин. Порок насколько прижился в тарикате, что среди персонажей не находится ни один человек, осуждавший действия Нур Баба.

Было бы ошибкой предположить, что, высмеивая мнимую «святость» тарикатских шейхов, их подверженность земным порокам, авторы обоих произведений критиковали саму суть суфийской традиции. Рискуя стать объектами гнева простого народа и представителей тасаввуфа (что и случилось с Я. Кадри), оба писателя, таким образом, выражали крайнюю обеспокоенность будущим суфийских братств и падением уровня нравственных ценностей в обществе.

Литература

Karaosmanoğlu Yakup Kadri. Nur Baba. Baskıya hazırlayan Atilla Özkırımlı. – İstanbul, 1987. İletişim yay.

Köknel Özcan. Alkol Ve Madde Bağımlılığı Altkültürü. Bağımlılık Dergisi. – № 2 (2). – 2001. – S. 71–76.

Хади Закир. Жһиһанша хэзрэт / Хади Закир // Карурманны чыккан чакта... XIX гасыр әдәбияты. – Казан: Мәгариф, 2001. – Б. 214–234.

Алькаева Л.О. Из истории турецкого романа: 20–50-е годы XX века / Л.О. Алькаева. – М.: «Наука», 1975.